

Международное частное право

ИМПЕРАТИВНЫЕ НОРМЫ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

О.Н. Садиков*

Проблема деления правовых норм на диспозитивные и императивные – на первый взгляд довольно элементарная и ясная – при внимательном ее анализе ставит большое число сложных теоретических и практических вопросов, затрагивающих как сферу законодательства, так и правоприменительную деятельность органов суда и арбитража. Особо сложной является эта проблема в области международного частного права, где она имеет ряд дополнительных аспектов.

В международном частном праве помимо уяснения диспозитивного и императивного характера входящих в его состав коллизионных, унифицированных и иных норм возникает вопрос о значении императивных норм национального законодательства при применении иностранного права, к которому отсылает коллизионная норма или соглашение сторон. При этом необходимо выяснить значение императивных норм как государства, право которого вследствие коллизионной отсылки устраняется, так и того государства, правом которого надлежит руководствоваться.

Этот юридически сложный и острый вопрос активно обсуждается в последние годы в зарубежной литературе по международному частному праву. Интерес к нему обусловлен прежде всего подписанием Римской конвенции от 19 июня 1980 г. о праве, применимом к договорным обязательствам, где содержатся важные положения об императивных нормах (ст. 7), а также тем, что в ряде государств принято новое законодательство в сфере коллизионного права, воспринявшее и даже развивающее идеи названной конвенции.

---

* Заведующий отделом гражданского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Верховном Совете РФ, доктор юридических наук.

В советской литературе международного частного права, к сожалению, нет крупных научных публикаций, посвященных данной проблеме. В учебниках речь ведется только о публичном порядке; весьма краткими и общими являются и суждения по этому поводу, даваемые в "Курсе международного частного права", написанном Л.А. Лунцем. В настоящей статье имеется в виду рассмотреть проблему императивных норм в международном частном праве более подробно с использованием последних зарубежных публикаций, а также некоторых материалов из практики отечественного внешнеторгового арбитража.

1. *Традиционная оценка значения императивных норм.* Общепринятым исходным началом коллизионного права долгое время считалось положение о том, что подчинение отношения с иностранным элементом иностранному праву в силу коллизионной нормы или соглашения сторон по общему правилу устраняет применение к этому отношению не только диспозитивных, но и императивных норм отечественного правопорядка. Разумеется, предпосылкой этого важного тезиса было признание коллизионного права сферой гражданско-правового характера (частное право), ибо публичное право за немногочисленными исключениями имеет строго территориальное и общеобязательное действие, устранить которое нельзя.

Вместе с тем всегда признавалось и существование, по крайней мере, трех ограничителей в применении иностранного права. Первым является публичный порядок, в силу которого норма иностранного права не может быть применена, если она противоречит основополагающим началам отечественной правовой системы. Этот ограничитель на практике даже в годы острых международных конфронтаций использовался сравнительно редко, хотя его обоснованность никогда не ставилась под сомнение, а сам принцип публичного порядка получил прямое закрепление в праве большинства государств и ряде важных международных договоров по вопросам частного права.

Вторым ограничителем в применении иностранного права можно считать запрещение обхода закона, то есть ситуаций, когда привязка к определенному иностранному праву создается искусственно с целью избежать применения к этому отношению обязательных норм правопорядка, которому данное отношение должно быть подчинено. В данном случае имеет место перенос в сферу международного частного права одного из принципов национального права, и некоторые авторы не без оснований находят такое решение нецелесообразным, поскольку допущение законом автономии воли и права на избрание желаемого правопорядка означает разрешение участникам оборота выходить за пределы своей системы права¹.

Наконец, третьим ограничителем в применении иностранного права по выбору сторон является обязательственный статут правоотношения. Принято считать, что этот статут охватывает не все элементы правоотношения и оставляет некоторые из них для подчинения иному правопорядку, чаще всего отечественному. Необходимость такого сложного на первый взгляд решения проистекает из существенных различий в правовых элементах международных связей, которые неразумно или просто нельзя подчинять одному правопорядку. Например, правовой статус субъекта права всегда должен определяться его личным законом, даже если его права и обязанности подчинены иностранному праву.

Многие новейшие кодификации и международные договоры в области международного частного права содержат прямые указания о рамках обязательственного статута, причем прослеживается постепенное их расширение, что упрощает механизм правового регулирования². При отсутствии таких указаний пределы действия обязательственного статута приходится выявлять на основании толкования соответствующих коллизионных норм и обобщения практики органов суда и арбитража.

Что касается императивных норм национального права, которые не могут считаться образующими его публичный порядок и не выходят за рамки обязательственного статута, то многими авторами отмечается недопустимость отступления от таких норм при определении применимого иностранного права. Однако прямое правовое обоснование такого вывода обычно не дается, хотя это необходимо, если закон признает автономию воли сторон; не приводятся также сведения об устойчивой практике органов суда и арбитража по этому вопросу.

В немецкой литературе по международному частному праву действие императивных национальных норм стало предметом обсуждения еще в предвоенные годы, причем такие нормы, исключая применение иностранного права, получили наименование строго обязательных, буквально – вторгающихся (*Eingriffsnormen*). Однако общепринятого их понимания, по-видимому, не сложилось. Так, Г. Нейхауз в работе 1962 года характеризует такие нормы как лежащие вне частноправовых отношений и уподобляет их действию налоговых предписаний³, что вообще выводит эти нормы за рамки международного частного права как сферы гражданского (частного) права.

Основные и наиболее часто цитируемые английские курсы коллизионного права (А. Дайси, Дж. Чешир, Р. Грейвсон) сферу неприменения иностранного права ограничивали перечнем случаев, в которых речь идет о действии норм публичного права: уголов-

ного, налогового, публично-правовых актах государства, а также называли некоторые специальные случаи такого неприменения (деятельность на вражеской территории, недвижимость за рубежом и др.)⁴. Несмотря на своеобразную манеру изложения этого вопроса, отражающую особенности английского права, здесь отчетливо прослеживаются традиционное разграничение норм частного и публичного права и территориальная сфера действия последнего.

В наиболее авторитетном французском курсе международного частного права, принадлежащем перу А. Батиффоля, императивным национальным нормам (*lois d'application immediate*) отведено всего несколько фраз, причем они трактуются в связи с законами о благоустройстве (*police*), называемыми в ст. 3 Гражданского кодекса Франции⁵. Таким образом, и в этом случае рассматриваемые нормы оцениваются как имеющие публично-правовую природу. Л. Рецеи называет среди строго обязательных норм национального права некоторые предписания частного права, однако судебных решений по этому вопросу не приводит⁶.

Показателен общий вывод в отношении данной проблемы, даваемый в авторитетном для науки международного частного права труде Л. Раапе. В нем констатируется, что "новейшая судебная практика, по-видимому, идет в том направлении, что запретительные правила отстраненного сторонами правопорядка не должны приниматься во внимание, поскольку это не противоречит публичному порядку. Это находится в соответствии с победой принципа первичной автономии воли сторон и с тем, что, по-видимому, принцип полной свободы сторон в выборе права, регулирующего их договор, начинает завоевывать господство"⁷.

Советская доктрина международного частного права в рассматриваемом вопросе, в общем, придерживалась изложенной выше традиционной концепции. Л.А. Лунц указывает в своем курсе, что "отсылка коллизийной нормы к иностранному закону, как правило, устраняет применение к данному отношению не только диспозитивных, но и императивных норм отечественного правопорядка", причем "выбор закона сторонами касается лишь вопросов... обязательственного статута, такой выбор не может определять вопросы право-дееспособности сторон, формы сделки, ее вещно-правовых последствий. Автономия воли относится только к обязательственному статуту"⁸.

Вместе с тем Л.А. Лунц констатирует, что "есть целый ряд материальных норм, действие которых не может быть устранено или ограничено коллизийной привязкой данного отношения к иностранному закону". В качестве таких норм называются нормы о национальном режиме для иностранцев, о правах иностранных орга-

низаций на совершение сделок в СССР, о неприменении исковой давности к некоторым требованиям. Эти нормы "сильнее" (с точки зрения коллизионного права) императивных норм в обычном смысле слова: они применяются независимо от того, подчинено данное отношение советскому или иностранному праву⁹.

Как, однако, объяснить такую необычную силу названной группы норм, круг которых очерчен к тому же лишь примерно и не является исчерпывающим? На это дается такой ответ: эти нормы можно квалифицировать как нормы публичного порядка в "позитивном" смысле слова или же считать, что они вне коллизионного права и при их применении коллизионный вопрос вообще не возникает. Та или иная точка зрения приводит к одинаковым последствиям, и в этом смысле обе точки зрения идентичны. В другом разделе своего труда Л.А. Лунц относит предписания советского права о письменной форме внешнеторговых сделок к числу норм публичного порядка¹⁰.

Приведенные аргументы, во многом совпадающие с суждениями некоторых зарубежных авторов, писавших в 50–60-х годах, не содержат убедительных научных обоснований. Во-первых, не называются ни критерии, ни круг тех норм национального права, которые обладают особой императивной силой. Во-вторых, трудно поддержать отнесение к сфере публичного порядка гражданско-правовых норм о форме внешнеторговых сделок или об их вещно-правовых последствиях, поскольку это открывает путь для необычайно широкого понимания публичного порядка, что не соответствует сути и назначению данного института. Равным образом трудно понять возможные причины исключения называемых Л.А. Лунцем традиционных гражданско-правовых институтов (сделки, давность) вообще из сферы коллизионного права.

В публикациях других советских авторов наличие в советском праве, в частности в Кодексе торгового мореплавания 1968 года, ряда императивных предписаний, в отношении которых закон содержит специальную оговорку о недопустимости их изменения по соглашению сторон, лишь отмечается и оценка значения таких норм при применении иностранного права не дается¹¹. Публикуемые обзоры практики советского внешнеторгового арбитража до последнего времени также давали мало материалов для более глубокой научной оценки рассматриваемой нами сложной проблемы.

2. *Новые концепции о значении императивных норм.* Первым отчетливо прозвучавшим сигналом, свидетельствующим о появлении нового подхода к императивным нормам, следует считать не публикации отдельных авторов, затрагивавших этот вопрос, а положения Гаагской конвенции о единообразном законе о международной

продаже товаров от 1 июля 1964 г. В ст. 4 этого единообразного закона, являющегося результатом большой подготовительной работы и многочисленных и сложных дискуссий, указывается следующее: "Настоящий закон применяется также тогда, когда стороны избрали его как закон договора, независимо от того, имеют ли стороны свои предприятия или свое постоянное местопребывание на территориях разных государств и являются ли эти государства участниками Гаагской конвенции от 1 июля 1964 г., в той мере, в какой названный закон не наносит ущерба императивным положениям, которые подлежали бы применению, если бы стороны не избрали единообразный закон".

Гаагская конвенция от 1 июля 1964 г., как известно, не получила широкого признания, и в настоящее время в связи с вступлением в силу Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года, по-видимому, вообще утратит практическое значение. Однако принцип главенства национальных императивных норм перед автономией воли сторон выражен в ней весьма четко и в общей форме, чего не было в прежних международных договорах по вопросам международного частного права.

Дальнейшее развитие теории в интересующей нас области связано с разработкой и подписанием в рамках Европейского экономического сообщества Римской конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам, от 19 июня 1980 г., в которой содержится специальная ст. 7 об императивных нормах. Значение Римской конвенции, вызвавшей обширную литературу, и ее очевидное влияние на последующее законодательство в области международного частного права требуют текстуального приведения положений ст. 7. Вот этот текст: "Статья 7. Императивные нормы. 1. При применении в соответствии с настоящей Конвенцией права страны могут быть применены императивные нормы другой страны, с которой отношение имеет тесную связь, если и поскольку согласно праву этой последней страны такие нормы должны применяться независимо от права, применимого к договору. Решая вопрос о применении таких императивных норм, необходимо учитывать их природу и назначение, а также последствия их применения или неприменения. 2. Ничто в настоящей Конвенции не ограничивает применение норм права страны суда в случаях, когда они являются императивными независимо от права, применимого к договору".

Приведенный текст п. 1 ст. 7 с некоторыми редакционными отличиями содержался в проекте конвенции, подготовленном в 1977 году рабочей группой, и стал предметом резкой критики со стороны прежде всего английских коллизонистов. Грейвсон назвал это правило нелепым и даже аморальным. Манн напомнил об истори-

ческих корнях заложенного в нем подхода, направленных на создание благоприятных правовых условий для должников по международным займам¹². Эти критические замечания представляются во многом справедливыми, однако данное правило с рядом редакционных уточнений вошло, тем не менее, в окончательный текст Римской конвенции, подписанной в 1980 году.

Анализ п. 1 ст. 7 связан с рассмотрением и оценкой ряда общих проблем коллизионного права и построения коллизионных привязок вообще, что выходит за рамки задач и возможностей настоящей статьи. Для ее темы прямое значение имеет, однако, п. 2 ст. 7, тем более что его содержание было воспринято, а иногда и расширено рядом важных новейших законодательных актов в области международного частного права. Начало такому восприятию положило законодательство ФРГ и Швейцарии.

Согласно ст. 34 Закона ФРГ от 25 июля 1986 г. о новом урегулировании международного частного права, которая помещена в разд. V "Обязательственное право", содержащем коллизионные нормы для отдельных обязательств, положения данного раздела не затрагивают применения норм немецкого права, которые независимо от применимого к договору права императивно регулируют отношение. Наряду с этим постановлением ст. 34 в новом законе ФРГ содержится и традиционная для международного частного права норма о публичном порядке (ст. 16).

Еще дальше идет в этом вопросе Закон о международном частном праве Швейцарии от 18 декабря 1987 г., который (в гл. 1 "Общие положения") содержит ст. 18, согласно которой императивные нормы швейцарского права в силу особого их назначения применяются независимо от того, право какого государства подлежит применению в соответствии с настоящим законом. Следовательно, по буквальному значению данной нормы ее действие распространяется не только на обязательственные, но и на другие отношения. Как и в законе ФРГ, наряду с приведенной нормой в законе Швейцарии содержится традиционное правило о публичном порядке (ст. 17).

В связи с этими законодательными нововведениями возникают два общих вопроса. Во-первых, каково правовое обоснование для таких решений, значительно изменяющих ранее сложившиеся представления о порядке применения иностранного права и существенно ограничивающих пределы автономии воли участников международного имущественного оборота. Во-вторых, как определить или хотя бы в общей форме очертить круг тех императивных национальных предписаний, от которых невозможно отступление при применении иностранного права.

В одном из первых комментариев к Римской конвенции, подготовленных, что весьма важно, составителями ее проекта, указывается, что идеи ст. 7 конвенции уже признаются правом ряда стран и проводятся в практике судов. Однако такие страны почему-то прямо не указываются, а среди судебных решений называется только одно из решений судов Нидерландов от 1966 года. Что касается круга императивных норм, подлежащих обязательному применению, то дается такой их примерный перечень: нормы о картелях, конкуренции, ограничительной практике, защите потребителей, некоторые условия перевозок¹³.

В появившихся комментариях к закону Швейцарии 1987 года приводятся уже иные примеры императивных национальных предписаний: приобретение земельных участков иностранцами, национальные ограничения в области трудоустройства, защита прав арендатора. При этом указывается, что оценка императивности национальных норм "производится в собственных рамках и в той мере, в какой это необходимо для защиты внутренних интересов"¹⁴. Таким образом, круг таких императивных норм становится достаточно широким и зависящим от конкретных ситуаций, которые, очевидно, оценивает суд или иной юрисдикционный орган.

Для решения практических вопросов важно располагать общими критериями выделения строго императивных норм национально-го права, и в некоторых научных публикациях предпринимается попытка указать такие общие критерии. Например, Рецеи характеризует нормы данной группы как направленные на непосредственную защиту политических, хозяйственных и других целевых установок государства¹⁵, что совпадает с приведенной оценкой Ф. Вишера и ориентирует на широкую трактовку сферы действия строго императивных норм национального права.

Напротив, Ж. Сталев склонен ограничивать круг рассматриваемых нами норм, указывая, что это специальные материальные нормы, применяемые исключительно к международным гражданским правоотношениям; они отличаются тем, что призваны охранять особо важные государственные или общественные интересы, связанные с определенными международными гражданскими правоотношениями и требующие, чтобы эти нормы были строго императивными¹⁶.

Согласно взглядам Ж. Сталева, хотя эти нормы и касаются гражданских правоотношений, они не всегда гражданско-правовые по природе. Чаще они бывают административно-правовыми, и в них выражается вмешательство государства в международные гражданские отношения. Однако вместе с гражданско-правовыми нормами рассматриваемые нами административно-правовые нормы образуют

совокупный правовой режим соответствующего международного гражданского правоотношения. Так как в этом режиме преобладают гражданско-правовые элементы, а в ряде случаев устанавливается также гражданская санкция за нарушение административной нормы (например, недействительность сделки), то международная сфера действия совокупного режима, в том числе и его административно-правовых элементов, определяется международным частным правом.

Эта четко изложенная и внешне юридически логичная конструкция имеет ряд достоинств. Она ограничивает круг строго императивных национальных норм, что способствует облегчению международного, и прежде всего торгового, сотрудничества, а также дает объяснения, почему такие нормы, когда они имеют административно-правовые (публичные) элементы, все же включаются в механизм действия международного частного права, относящегося по своей сущности к сфере гражданского (частного) права. Смещение публичного и частного права способно привести к серьезным теоретическим и практическим просчетам, о чем свидетельствует опыт правового развития, особенно бывших социалистических стран¹⁷.

Однако аргументация Ж. Сталева не учитывает того очевидного обстоятельства, что строго императивные нормы национального права во многих случаях имеют общее предназначение и относятся как к международным, так и к внутренним гражданским правоотношениям. Таковы, например, императивные нормы, направленные на защиту прав потребителей, исключение случаев ограничения ответственности при перевозках грузов и пассажиров и многие другие императивные национальные предписания. Это важное обстоятельство показывает, что концепция Ж. Сталева лишена необходимой правовой основы.

Если английская и французская литература проявляют в рассматриваемом нами вопросе определенную сдержанность и не делают пока далеко идущих общих выводов, то немецкие научные публикации на эту тему многочисленны и дают широкую трактовку строго обязательных норм национального права. Так, в неоднократно переиздававшемся практическом пособии по международному договорному праву такие нормы подразделяются на четыре большие группы: 1) осуществление хозяйственно-политических целей; 2) защита слабого партнера в договоре; 3) предписания о давности; 4) форма. При этом в число строго императивных предписаний включаются как административно-правовые нормы (правила ввоза и вывоза, валютные предписания), так и некоторые традиционные правила гражданского права (о страховании, давности, форме сделок)¹⁸.

В законодательстве стран СНГ о международном частном праве нет прямых указаний в отношении значения строго императивных национальных норм. Доктрина и правоприменительная практика всегда придерживались того взгляда, что административные (публично-правовые) предписания выходят за рамки коллизийного (частного) права и имеют за отдельными исключениями территориальную сферу действия¹⁹. Это соответствует общепринятым представлениям и вносит ясность и определенность в порядок применения этой группы норм отечественными юрисдикционными органами.

Что касается императивных норм гражданско-правового характера, то некоторые из них признаются нашим правом имеющими и особую юридическую обязательность, и в отдельных случаях закон сопровождает их прямым указанием на недопустимость отступления от них по соглашению сторон. Это нормы как общего действия (давность, представительство), так и относящиеся исключительно к международным договорным и иным связям (внешнеторговые сделки). Как уже было отмечено в разд. 1 настоящей статьи, доктрина толковала такие нормы как строго императивные, относя их иногда к предписаниям публичного порядка.

За последние годы вопрос о значении таких норм стал возникать в практике внешнеторгового арбитража в Москве, и соответствующие его решения были опубликованы. Чаще всего это было связано с ответственностью морского перевозчика, причем Морская арбитражная комиссия в Москве при обращении к иностранному морскому праву и условиям заключенного сторонами чартера, опираясь на указания Кодекса торгового мореплавания СССР 1968 года о недопустимости изменения норм о пределах ответственности перевозчика (эти положения соответствуют правилам Брюссельской конвенции о коносаментх 1924 г.), признавала недопустимым такие изменения по соглашению сторон²⁰.

Ряд разрешенных споров был связан с применением исковой давности и правомерностью изменения ее сроков по соглашению сторон. В этом вопросе Арбитражный суд в Москве при подчинении внешнеторгового договора советскому праву исходил из того, что стороны не вправе изменять своим соглашением сроки давности, поскольку в силу советского права такое соглашение сторон является недопустимым (ст. 80 Гражданского кодекса РСФСР)²¹. Аналогичный вывод делался Арбитражным судом и в тех случаях, когда стороны подчиняли некоторые свои отношения положениям международного соглашения (в данном случае Общим условиям поставок СЭВ), содержащего другие сроки исковой давности по сравнению с советским правом. При мотивировке такого подхода арбитраж в

одном из решений ссылался на положения ст. 4 Гаагской конвенции о международной продаже товаров от 1 июля 1964 г.

Эти арбитражные решения, разумеется, не дают еще теоретического объяснения причине особой юридической силы некоторых норм национального права и сферы их действия, однако свидетельствуют о признании такой силы и ее учете при разрешении внешне-торговых споров и складывающейся в этой области международной практики. В конечном счете это должно содействовать разъяснению данного вопроса и достижению справедливого и целесообразного его разрешения, облегчающего международные связи всех видов.

3. *Перспективы дальнейшего развития.* Приведенные выше законодательные материалы и доктринальные мнения дают основания для вывода о том, что в процессе своего развития международное частное право приходит к признанию того факта, что наряду с публичным порядком действуют строго императивные нормы национального права, которые должны иметь приоритет перед нормами применимого иностранного права. Такое признание имеет разные формы в отдельных странах, однако несомненно, что процитированное в разд. 1 настоящей статьи высказывание Л. Раапе об абсолютном действии автономии воли не отвечает современному положению вещей.

Подтверждением происходящего развития является принятая в 1985 году Гаагская конвенция о праве, применимом к договорам о международной купле-продаже товаров, в ст. 17 которой указывается, что конвенция не препятствует применению тех положений права страны суда, которые должны применяться независимо от права, которому в других случаях подчинен договор. Имеются свидетельства того, что такой подход получил поддержку при обсуждении его на Второй Межамериканской конференции по международному частному праву, проходившей в 1979 году в Монтевидео, хотя и не получил прямого отражения в документах этой конференции²².

Нельзя считать, что вывод о наличии и действии строго императивных норм национального права является принципиально новым. В число таких норм часто включаются, как мы пытались показать это выше, предписания административно-правового (публичного) характера, территориальная сфера действия которых и строго обязательный характер всегда признавались и никогда не ставились под сомнение. Однако к числу таких строго обязательных норм относятся и многие традиционные правила гражданского (частного) права, и такой подход является новым.

Рассматриваемая нами проблема представляется весьма важной прежде всего в практическом плане. Надо также признать, что

выделение группы строго обязательных национальных норм имеет ряд положительных сторон. Становится ненужным отмечавшееся выше стремление подводить под понятие публичного порядка традиционные нормы гражданского права, что не соответствует сущности и задачам публичного порядка. Одновременно усиливаются защита слабой стороны в договоре и охрана социально значимых национальных интересов, которые неизбежно присутствуют в процессе международного общения.

Однако нельзя не видеть и слабых сторон такого подхода. Существенно ограничиваются рамки автономии воли сторон, причем степень такого ограничения становится весьма неясной, поскольку круг строго обязательных национальных норм четко не обрисован и может быть установлен, видимо, только в результате судебного рассмотрения возможных по этому вопросу споров. Режим многих международных хозяйственных связей становится сложным и недостаточно ясным. В рассматриваемой концепции также явно просматривается смешение норм публичного и частного права, что может давать повод для различных юридических недоразумений и неясностей. Встают и другие правовые вопросы, требующие своего решения.

Прежде всего следует признавать действие строго императивных норм национального права только при применении иностранного права в силу соглашения сторон (автономия воли) или также в тех случаях, когда к иностранному праву отсылает коллизийная норма, установленная самим законодателем. С точки зрения ст. 7 Римской конвенции 1980 года и основанного на ней нового законодательства ФРГ рамки действия таких императивных норм ограничены сферой обязательственного права; с позиций нового закона Швейцарии применение строго императивных национальных норм относится вообще ко всем сферам международного общения.

Обоснована ли такая широкая амплитуда колебания и в интересах ли она современного международного сотрудничества, которое стремится к правовой ясности и унификации? Неизвестно также, как пойдет правовое развитие в других странах и правовых регионах и какой путь для применения строго императивных норм будет ими избран. Разнообразие правовых подходов в этой области может существенно осложнить правовой режим внешнеэкономических операций и привести к явно неожиданным и даже несправедливым конечным правовым выводам.

Когда иностранное право применяется в силу установленного законодателем коллизийного предписания, сам законодатель заблаговременно и осмысленно признает подчинение данного отношения иностранному правопорядку. Поэтому изъятия из него в

пользу национальных норм, выходящих за рамки публичного порядка, было бы необходимо каждый раз прямо оговаривать в самом коллизионном предписании, что и делается нередко в настоящее время²³. Конечно, возможно и общее указание на этот счет, вынесенное за рамки отдельных коллизионных норм, что с точки зрения законодательной техники проще, однако такое общее указание должно быть по возможности ясным и не создавать почву для юридических гаданий.

Приводившиеся выше доктринальные суждения в отношении круга строго императивных национальных норм свидетельствуют о том, что определение таких норм весьма сложно и неизбежны различия во мнениях и подходах. Указание в самой национальной норме о ее строго императивной силе, что рекомендуется в работах некоторых авторов²⁴, было бы простым и ясным решением, однако практически едва ли достижимо вследствие различий в законодательной технике и развития самого законодательства, порождающего новые, строго императивные предписания.

При таком положении решение практических вопросов, возникающих в рассматриваемой нами области, может, по-видимому, достигаться только в результате толкования соответствующих национальных норм. Иногда строго императивный характер таких предписаний достаточно ясно выражен в содержании и редакции таких норм, в иных случаях вывод может быть сделан на основе общепринятых приемов толкования. Положение может быть облегчено появлением новых достаточно убедительных научных рекомендаций или разъяснений высших юрисдикционных органов, однако они при всей их желательности пока отсутствуют.

Как уже отмечалось, в законодательстве стран СНГ по вопросам международного частного права отсутствуют прямые указания в отношении значения и круга строго императивных норм, однако внешнеторговый арбитраж в ряде своих решений признавал наличие и обязательное действие таких норм. Разработанный научными кругами проект нового закона о международном частном праве и международном гражданском процессе содержал норму на этот счет (ст. 28), отражающую складывающиеся в данной области новые международно-правовые веяния²⁵. Некоторые положения данного проекта были восприняты новым законодательством, в частности Законом о внешнеэкономической деятельности Украины от 16 апреля 1991 г., однако ст. 28 была оставлена без внимания. Надо полагать, что законодательству стран СНГ следует вернуться к рассмотрению этого вопроса, с тем чтобы развитие их права шло в ногу с новыми тенденциями современного международного частного права.

¹ **Niederer.** Einführung in die allgemeinen Lehren des internationalen Privatrechts. — 1956. — S.331.

² О рамках обязательственного статута см. **Садиков О.Н.** Коллизионные нормы в современном международном частном праве // Советский ежегодник международного права. 1982. — М., 1985. — С. 211—213.

³ **Neuhaus.** Die Grundbegriffe des internationalen Privatrechts.— 1962.— S.58.

⁴ **Dacey and Morris.** The Conflict of Laws.—8 Ed.—L., 1967.— P.142 ff.; **Graveson.** The Conflict of Laws. — 6 Ed.—L., 1969. — P.166.

⁵ **Batiffol.** Droit international privé. — 7 Ed. — P., 1970. — P. 306—307.

⁶ **Reczei.** Internationales Privatrecht. — Budapest, 1960. — S. 102—104.

⁷ **Раане Л.** Международное частное право. — М., 1960. — С. 434 (перевод 4-го немецкого издания книги, опубликованного в 1955 г.).

⁸ **Луиц Л.А.** Курс международного частного права. Общая часть. — М., 1973. — С. 329 и 244.

⁹ Там же. — С. 329.

¹⁰ Там же. — С. 251.

¹¹ См., например, **Иванов Г.Г., Маковский А.Л.** Международное частное морское право. — Л., 1984. — С. 26—27.

¹² **Harmonization of Private International Law by the EEC/Ed. K. Lipstein.** — L., 1978. — P.31—32.

¹³ **Contract Conflicts.** Ed. by North P.M. — Amsterdam, 1982. — P. 380, 382.

¹⁴ **Vischer F.** Zwingendes Recht nach dem schweizerischen IPR — Gesetz // *Rabels Zeitschrift.* — 1989. — Nr 3. — S.446.

¹⁵ **Reczei.** Op.cit. — S.103.

¹⁶ **Сталев Ж.** Същност и функция на международното частно право. — София, 1982. — С. 164 и след.

¹⁷ Примером является известная концепция международного хозяйственного права, предложенная юристами бывшей ГДР и получившая некоторую поддержку среди их советских коллег (см. **Богуславский М.М.** Правовое регулирование международных хозяйственных отношений. — М., 1970. — С. 67 и след.), которая практического значения не имеет и постепенно забывается.

¹⁸ **Reithmann M.** Internationales Vertragsrecht. — 1988. — S.280.

¹⁹ **Луиц Л.А.** Указ. соч. — С. 176 и след.

²⁰ См. **Из практики Морской арбитражной комиссии.** 1984—1986 гг. — М., 1989. — С. 78 и след.; **Из практики Морской арбитражной комиссии.** 1978—1983 гг.— М., 1986. — С. 38 и след.

²¹ См. **Внешняя торговля.** — 1991. — № 3. — С. 43.

²² См. **Paaga Aranguren G.** General Course of Private International Law: Selected Problems // *Recueil des Cours*, 1988. — VIII. — P.133.

²³ Примером являются оговорки в ст. 563, 565 и 566 Гражданского кодекса РФ, сохраняющие при применении иностранного права действие некоторых предписаний национального права. Аналогичный прием используется и в коллизионном праве других государств.

²⁴ См. **Paaga Aranguren G.** Op. cit. — P.135.

²⁵ См. **Материалы по иностранному законодательству и международному частному праву.** Труды 49. — М., 1991. — С. 133.